

А. А. Кобринский

МАТЕРИАЛЫ ВОЛЬФА ЭРЛИХА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Имя Вольфа Эрлиха достаточно широко известно. В истории русской литературы XX в. оно, как правило, упоминается в связи с Сергеем Есениным: Эрлих был близким другом Есенина, представлял его издательские интересы в Ленинграде и был одним из последних, кто видел его перед смертью. Именно Эрлиху Есенин посвятил свое прощальное стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». После гибели Есенина Эрлих много сделал для памяти своего друга. Отчасти это и привело к тому, что практически все последующее время биография и творчество Эрлиха сами по себе были, как правило, неинтересны исследователям, его имя мелькало на страницах изданий только в связи с событиями вокруг Есенина в последние годы его жизни.

Материалы, хранящиеся в рукописном отделе Пушкинского Дома, представляют большой интерес и позволяют восстановить образ этого поэта, представить его роль в сложных обстоятельствах литературной жизни Ленинграда 1920-х — 1930-х гг.

1

Вольф Иосифович Эрлих родился 6 (19) мая 1902 г. в городе Симбирске. Его отец — Иосиф Лазаревич Эрлих — был врачом, а мать — Анна Моисеевна — домохозяйкой. Детство он провел в слободе Часовня, на другом от Симбирска берегу Волги. В семье было двое детей: Вольф и Мирра. Впоследствии Мирра Иосифовна Толкачева (урожденная Эрлих) вспоминала: «Своих родителей он удивлял складными четверостишиями, которые он им иногда рифмовал»¹. Учился он в 1-й мужской гимназии Симбирска, был

активным участником гимназического литературного журнала «Юность», участвовал в литературных вечерах. После окончания в 1919 г. гимназии, которая к тому времени уже превратилась в единую трудовую школу, он поступает по настоянию отца на медицинский факультет Казанского университета. Однако интерес к литературе победил, и уже через 2—3 месяца Эрлих переводится на историко-филологическое отделение, чем, кстати, очень огорчает отца.

В 1921 г. он переезжает в Петроград и поселяется 6 сентября по адресу: ул. Знаменская, д. 33², переведясь с 1 сентября того же года на 3-й курс факультета общественных наук Петроградского университета (отделение этнолингвистики). Ему были зачтены дисциплины, сданные в Казанском университете³. Однако Эрлих проучился только два года: до лета 1923 г. Судя по всему, причиной его вынужденного ухода из университета стало знакомство с ленинградскими имажинистами, в компанию которых Эрлих попал как раз в 1923 г., и совместные действия в рамках «Воинствующего ордена имажинистов»⁴. Сошлись различные причины: с одной стороны, скандальность имажинистских «акций» и выступлений не вызвала сочувствия у университетского начальства, с другой, божемный образ жизни, в который втянулся молодой поэт, оставлял все меньше и меньше времени на учебу. Как бы то ни было, в 1923 г. Эрлих перестал быть студентом⁵.

Петроградские имажинисты постоянно подчеркивали свое ученичество у москвичей, составляющих «Верховный орден имажинистов», особо поддерживался пиетет по отношению к С. Есенину, В. Шершеневичу, А. Мариенгофу. Но из всех новых знакомств самым ценным для Эрлиха оказалось знакомство с С. Есениным. В понедельник, 14 апреля 1924 г., он и другие члены «Воинствующего ордена имажинистов» приняли участие в поэтическом вечере Есенина в Ленинграде. С этого момента он не просто стал другом, Эрлих превратился в полноправного представителя Есенина в Ленинграде, он занимался его издательскими делами в этом городе, организовывал приезды в Ленинград, в том числе и последний, в декабре 1925 г. Ему были адресованы и последние, написанные кровью, есенинские стихи «До свиданья, друг мой, до свиданья...»⁶

У петроградской группы существовали обширные организаторские и издательские планы, которым не суждено было сбыться. Раздоры начались после публикации 31 августа в «Правде» известного письма С. Есенина и И. Грузинова о роспуске имажинистской

группы: тогда Эрлих поддержал Есенина, сообщив в письме к Г. Бениславской, что отныне он и Полоцкий прекращают всякие контакты с «Гостиницей» (ему еще не было известно, что издание прекращается). Это вызвало серьезные трения и между ленинградцами. Упомянутое письмо Эрлиха Бениславская цитирует в своем письме Есенину в конце ноября — начале декабря 1924 г.: «У меня здесь форменная склока с нашими ребятами. Дело дошло до того, что Шмерельсон писал Грузинову, требуя передачи всех наших материалов, в том числе и моих. (...) Грузинову я открытку с разъяснением послал»⁷ (известно, что группа имажинистов во главе с Мариенгофом опубликовала протест против заявления Есенина и Грузинова⁸). Позже, в воспоминаниях «Право на песнь» (Л., 1930. С. 61—62) Эрлих напишет, что Есенин и раньше не рекомендовал ему спешить с участием в журнале (см. также полушуточное заявление С. Есенина «В правление Ассоциации Вольнодумцев»⁹). Раскол с трудом удалось загладить. Затем последовала неудача с изданием совместного с будущими обэриутами Д. Хармсом и А. Введенским альманаха «Необычайное свидание друзей» (в котором должен был принимать участие также и В. Эрлих). Первоначально он задумывался как журнал и был подготовлен в 1924 г. Однако уже в октябре 1924 г. «Красная газета» помещает краткую заметку «Бегство издателя» — о том, что из Ленинграда «скрылся объявленный несостоятельным владельцем издательства „Книжный угол“ писатель-футурист В. Р. Ховин. Задолженность его разным издательствам и учреждениям составляет несколько тысяч рублей». М. М. Шкапская в декабре 1924 г. вклеивает эту заметку в свой альбом и отмечает: «Бедный Виктор Романович — какой плачевный конец таких гордых замыслов»¹⁰, а чуть ниже, на той же странице вписывает свой «Протест имажиниста» С. Полоцкий: «Ховин удрал, не издав нашего журнала — „Необычайное свидание друзей“, как мы с ним условились. Это нечестно». В качестве альманаха «Свидание» анонсировалось на январь 1926 г. в «Ровесниках имажинистах» («Мы питаем надежду, — писал в анонсе С. Полоцкий, — что в ближайшее время русская литература сможет развиваться без нашего суфлирования, но для вящего спокойствия читателя берем на себя ответственность за судьбы русской поэзии на десятилетие вперед»), но из этого ничего не вышло.

Смерть Есенина Эрлих перенес чрезвычайно тяжело. Он продолжал переписку с Галиной Бениславской — вплоть до ее самоубийства на могиле Есенина 3 декабря 1926 г. (об этом он узнал из

записки А. А. Есениной, сестры поэта — Ед. хр. 33. Л. 1), а чуть позже выпустил книгу воспоминаний о Есенине — «Право на песнь»¹¹, в которой он упоминает о своем чувстве вины перед покойным поэтом. Примерно с конца того же 1926 г. Эрлих отходит от своих бывших друзей по «Воинствующему ордену имажинистов». Отныне свою литературную деятельность он будет строить, не входя уже ни в какие группы. Ранее он, как и большинство членов Ордена, состоял в возрожденном Ленинградском союзе поэтов, председателем которого был его друг Н. С. Тихонов, а секретарем — Г. Б. Шмерельсон. Дружеский характер отношений между ними виден из сохранившегося шуточного удостоверения, написанного на подлинном бланке Ленинградского отдела Всероссийского союза поэтов и заверенного подлинной печатью ЛО ВСП и подписями его руководителей:

Удостоверение

Ленинград, 1/ IV. 1925.

Выдано в том, что предъявитель сего поэт Вольф Эрлих обладает огромным поэтическим талантом и, по отзывам знатоков, подает блестящие надежды как поэт и мыслитель.

Всем литературным и художественным организациям вменяется в обязанность оказывать ему всяческое содействие при попытке его использовать «за спасибо» любое из увеселительных заведений республики. Как-то: пивная, кабак, ресторан и пр.

*Председатель Правления
ЛО ВСП Н. Тихонов (подпись)*

*Секретарь
Гр. Шмерельсон (подпись)¹².*

8 июля 1929 г. Тихонов с Эрлихом отправляются на Кавказ; одним из самых ярких впечатлений для поэта стала Армения. Этому путешествию Н. Тихонов впоследствии посвятит целую главу под названием «Дни открытий» в своих воспоминаниях¹³. А вот как описывает будущий маршрут сам Эрлих¹⁴ в письме к родителям: «8-го (в Понедельник) уезжаю курьерским в Дар-Кох. Маршрут такой: Дар-Кох — Сванетия — Кутаис — Абас — Туман — Ахалцик — Боржом — Тифлис — Дилижан — Еленовка — Эривань — Тифлис — Владикавказ — Ульяновск. Пешком: 1). Дар-Кох — Кутаис (с заходом в Сванетию), иначе — вся Военно-Осетинская дорога. 2). Дилижан — Еленовка — Эривань. 3). И — Тифлис — Владикавказ,

иначе — Военно-Грузинская (...)». Денег у меня на это — 300 рубл. Еду вдвоем с Тихоновым»¹⁵. Отныне очень многое в его жизни и творчестве будет связано с Арменией. Отметим прежде всего «Алагецкие рассказы»¹⁶. Сохранились 2 экземпляра текста этого цикла, посвященного жизни армян и курдов (черновой и машинописный варианты — Ед. хр. 14). Кроме этого, в архиве Эрлиха содержатся и другие произведения на армянскую тему. Среди них написанная в 1933 г. поэма «Ёська из Багдада» — о проходимце Еське, который втерся в доверие к беспечному журналисту, а затем улизнул, прихватив его документы: несмотря на явный агитационный характер произведения, в нем содержатся замечательные стихи о Ереване (Эривани):

*Режут розовый тувф
И растут знаменитые зданья:
Инженер и пастух —
Кто не знает такой Эривани!
(...)
Ты стоишь, Эривань,
Миража золотого чудесней.
Для тебя, Эривань,
Даже кровь запекается песней.*

Армении посвящены также очерк «Гыргыр» (Ед. хр. 6; очерк на тот же сюжет — Ед. хр 17¹⁷; Ед. хр 16) а также очерки «Эривань» (первоначальное название «Путеводитель по Эривани») и «Профессор „Бонжур“» (Ед. хр. 18). В архиве сохранился также написанный Эрлихом в 1937 г. по заказу киностудии «Арменкино» киносценарий «Иммигранты» — об армянских репатриантах, возвращающихся из Франции в советскую Армению. Наконец, В. Эрлих переводил армянских поэтов (В. Норенца, Р. Севака, Фрика, А. Цатурьяна, М. Нагиша, М. Адженяна) и народные армянские песни (рукописные и машинописные переводы — Ед. хр. 11 и 25)¹⁸. Сохранились и привезенные Эрлихом из своей поездки в Армению в 1933 г. фотографии армянских новостроек (Ед. хр. 68).

Летом 1930 г. Эрлих снова отправился в Армению и Нагорный Карабах, он даже заключил договор с издательством «Прибой» (Ед. хр. 55, л. 11) на издание книги об Армении «От Алагира до Арарата», однако эта книга так и не была подготовлена. А в 1931 г. он снова путешествует по Кавказу, на этот раз по маршруту Нальчик — Сванетия.

Летом 1932 г. Эрлих совершает поездку на еще строящийся тогда Беломоро-Балтийский канал; «беломорские» мотивы вошли в его поэму «Математики», опубликованную впоследствии в сборнике «Необычайные свидания друзей».

В 1930-е г. Эрлих много работает в периодических изданиях. В 1930—1931 гг. он — член редколлегии журнала «Ленинград», а в 1932—1933 гг. — ответственный секретарь газеты ЛАППа «Наступление». Он широко публикуется — его стихотворения выходят в журналах «Звезда», «Красная новь», «Литературный современник», в «Красной газете», в газетах «Наступление», «Литературный Ленинград».

Эрлих был членом Ленинградского отделения ФОСПа (Федерации объединений советских писателей), членом ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей, — то есть достаточно заметной фигурой в литературно-общественной жизни Ленинграда. Неудивительно, что когда в сентябре 1933 г. в городской писательской организации началась подготовка к предстоящему съезду Союза советских писателей, Эрлих был введен в образованное ленинградским оргкомитетом бюро «для руководства творческими дискуссиями и разработки всей суммы творческих вопросов, возникающих в повседневной работе»¹⁹. 14 июня 1934 г. имя Эрлиха упомянуто в «Литературном Ленинграде» в списке писателей, принятых в союз с момента его возникновения. Впоследствии, в 1935 году он становится членом Литфонда.

11 августа 1934 г. Эрлих выступает на вечернем заседании ленинградской писательской конференции с «обстоятельным содокладом по вопросам поэзии»²⁰. На той же конференции Н. Тихонов выступил с большим докладом «Вопросы поэзии», в котором охарактеризовал творчество Эрлиха как поэта, избравшего «путь стиха рассудочного, суховатого, саркастического (...) Стихи его аккуратны, почти всегда чисто проверены на слух и на глаз, образно скупы, но точны. Но эти ямбы часто достигают чрезмерной сухости, и перечень фактов иногда просто иллюстрируется эффектом заключительных строк»²¹. Тихонов также процитировал программную статью Эрлиха «Похвала глупости»²², в которой поэт утверждал, что рассудочность в поэзии не страшна. («Большой беды нет в том, что поэт зачастую проходит полосу так называемой рассудочности, — писал в своей статье Эрлих. — Там, где есть убежденность, найдется и темперамент»). Вообще, к середине 1930-х г. обвинения Эрлиха в «сухости» стали общим местом. Так, критик Е. Мустангова

замечала в рецензии на «Порядок битвы»: «Творческий опыт таких больших поэтов, как Маяковский или Тихонов, говорит о том, что диктатура разума бывает полезным и нужным этапом, воспитывающим, в конце концов, и чувства поэта»²³.

Осенью того же года Эрлих участвует в работе Комакадемии «Переделка людей и новая дисциплина труда». В первой половине февраля 1935 г. читает свои переводы из грузинских поэтов на вечере грузинской поэзии в Доме советских писателей им. Маяковского. В конце марта 1935 г. он участвует в обсуждении доклада Д. - Мирского на заседании критической секции ЛО ССП. «В нашей поэзии нет еще сложившихся четких новых образований», — заявляет он, встречая сочувственное отношение присутствующих²⁴. Продолжаются его выступления и поэтические вечера с его участием. Один из таких вечеров проходит между 10 и 13 апреля 1935 г. в Доме писателя им. Маяковского в рамках творческой встречи московских и ленинградских поэтов. В конце апреля 1935 г. в редакции газеты «Литературный Ленинград» происходит совместное совещание редколлегии и драматургической секции ЛО ССП. В выступлении художественного руководителя Театра Красной армии Л. В. Вивьена упоминаются авторы, создающие пьесы на оборонные темы «в тесном контакте с театром»²⁵. На этом совещании выступал и Эрлих, который говорил о проблемах создания «большого характера» в кино, приводя в качестве примера такого характера Чапаева в одноименном фильме.

16 мая того же года в Ленинград приехала большая группа армянских поэтов. Эрлих в составе группы ЛО ССП встречал их на вокзале, а затем на проходившем на следующий день вечере армянской поэзии читал вместе с другими ленинградскими и московскими поэтами (среди которых был и Б. Пастернак) свои переводы из армянских поэтов. В это же время Эрлих принимает участие в антологии армянской поэзии, готовившейся к печати под редакцией Н. Тихонова и П. Антокольского. Характерно, что именно Н. Тихонов и Эрлих, побывавшие в свое время в Армении, проявили наибольший интерес к проходившим встречам, расспрашивая армянских друзей о современной ситуации в республике, о том, как идет строительство городов и сел.

В конце мая 1935 г. Эрлих проходит «воздушное крещение» в аэроклубе — поэты встречались с летчиками, читали им свои стихи, а затем летали на их спортивных самолетах. После нескольких встреч Эрлих вошел в состав комиссии ЛО ССП по «укреплению

связи с аэроклубом, пропаганды его в литературе и сбора средств на учебный самолет». В июне он выступает со статьей «Поиски стихотворной пьесы»²⁶, в которой отмечает неудачи поэтов в попытках создать стихотворную пьесу (в качестве неудач названы «Умка — белый медведь» И. Сельвинского и «Выстрел» А. Безыменского, а единственной удачей — «Мистерия-буфф» Маяковского, по его словам, «стих исключительной чистоты»). В том же месяце Кукольный театр, руководимый Л. В. Яковлевой-Шапориной, поставил в Доме писателя им. Маяковского комедию В. Эрлиха «Золотые лбы», написанную по материалам народных сказок.

Осенью 1935 г. Эрлих отправляется на Дальний Восток — для работы над материалами к сценарию «Волочаевские дни» (см. ниже).

В феврале 1936 г. Эрлих участвует в писательских дискуссионных собраниях, читает свои стихи на вечерах поэзии. 28 марта выступает на знаменитой дискуссии о формализме, проходившей в Ленинграде (во второй ее день — вместе с Н. Заболоцким и С. Спасским). 20 июня 1936 г. в Москве, на Красной площади, присутствует на церемонии похорон М. Горького.

В конце августа Эрлих вместе с Ю. Германом подает заявление о приеме в сочувствующие ВКП(б). Ранее он пытался вступить в партию в сентябре 1932 г. (рекомендации дали сотрудник минского Госбанка М. К. Никольский и глава ЛАППа М. Чумандрин), но остался в итоге беспартийным. В начале сентября Эрлих в составе бюро драмсекции ЛО СПП участвует в принятии решения о ходатайстве перед правлением ССП об исключении бывшего своего кумира В. Шершеневича из Союза (более того, Эрлих вместе с Чумандриным и Либединским стал инициатором этого решения).

В октябре В. Эрлих отправляется в Петрозаводск, на празднование 30-летия литературной деятельности народного поэта Карелии Ядмари Виртанена, стихи которого в свое время переводил.

С начала 1937 г. участвует во многочисленных собраниях писателей по поводу не менее многочисленных судебных процессов над «врагами народа». К этому моменту можно говорить о том, что поэта Вольфа Эрлиха уже не существовало, об этом свидетельствуют его стихи этого периода с требованием смертной казни «банде» троцкистов.

Эрлих был арестован 20 июля 1937 г. во время своей очередной творческой командировки в Армению — по ордеру, выданному в Ленинграде. Его этапировали из Эривани в Ленинград и помести-

ли в Центральный Дом предварительного заключения УНКВД ЛО 18 сентября. Состоялся только один допрос — 9 ноября, во время которого Эрлих признал, что он «является участником контрреволюционного троцкистского подполья и на протяжении ряда лет проводил преступную работу против Советского Союза», а также подтвердил связь подпольной троцкистской группы, в которую он якобы входил, с японской разведкой²⁷. Показания Эрлиха были аккуратно перенесены в обвинительное заключение, и дело было направлено в НКВД СССР «по первой категории». 24 ноября 1937 года Эрлих был расстрелян.

Можно сказать, что гибель его была почти случайной. В 1937 г. УНКВД ЛО фабриковало обширное дело по «троцкистскому подполью» Ленинграда. Дело имело «японский» уклон: по нему арестовывались ученые и аспиранты института Востоковедения, японисты Эрмитажа, сотрудники Советского торгпредства в Токио, а также их знакомые. Всем предъявлялось обвинение в троцкистской контрреволюционной деятельности, подготовке террористических актов, а также шпионаже в пользу Японии. Источником «уличающих» сведений стал заведующий сектором истории культуры и искусств Востока Государственного Эрмитажа Дмитрий Петрович Жуков. Сломанный морально и физически, он давал самые фантастические показания, которые только и были нужны палачам НКВД (так, с его помощью — на очной ставке — «дожимали» твердо державшегося Н. Олейникова, проходившего по этому же делу). С Эрлихом Жуков был знаком с 1927 г. и назвал его в числе участников «троцкистской организации». Этого оказалось достаточно. Сам Эрлих назвал на допросе поэта М. Ф. Чумандрина, якобы его завербовавшего, и критика И. Л. Гринберга, которого уже он якобы вовлек в преступную деятельность. Ни Чумандрин, ни Гринберг даже не были арестованы.

2

Материалы Вольфа Эрлиха в Рукописном отделе Пушкинского Дома в основном сконцентрированы в его фонде (Ф. 697, оп. 1). Фонд включает в себя 82 единицы хранения (пронумеровано 83 — при нумерации № 34 по ошибке пропущен) и состоит из следующих частей: 1. Рукописные, машинописные и печатные произведения и переводы Эрлиха, публиковавшиеся в книгах поэта, альманахах, в периодических изданиях, а также черновые и бело-

вые автографы его не публиковавшихся произведений (Ед. хр. 1—25). 2. Письма и телеграммы разных лиц, адресованные В. Эрлиху (Ед. хр. 26—52). 3. Биографические материалы и личные документы В. Эрлиха (Ед. хр. 53—58). 4. Фотопортреты — личные и групповые, другие фотоматериалы (Ед. хр. 59—68, 81). 5. Письма В. Эрлиха разным лицам (Ед. хр. 72, 75). 6. Письма разных лиц, касающиеся посмертной судьбы В. Эрлиха, в том числе и его реабилитации (Ед. хр. 69—71, 74). 7. Материалы других лиц (Ед. хр. 73, 76—80, 82—83). Кроме того, в других фондах Рукописного отдела ИРЛИ хранятся: письма В. Эрлиха писателю Нилли (Николаю Николаевичу Ильину) (Ф. 385 (Ильин Н. Н.). Ед. хр. 44, 48), а также его расписка в получении от Г. Б. Шершеневича рукописи С. А. Есенина «Пугачев», датированная 3 января 1926 г. (Ф. 699 (Шмерельсон Г. Б.). Ед. хр. 143). В соответствии с этой структурой мы и строим настоящий обзор.

3

В биографии Эрлиха, написанной в 1960-х гг. его сестрой Миррой Иосифовной (Ед. хр. 54), указывается, что первой его книгой, вышедшей из печати, была детская книжка «О ленивом Ваньке и его шенке» (М.; Л.: Госиздат, 1926), первой его книгой «взрослых» стихов названо «Волчье солнце» (Л.: Прибой, 1928). Это утверждение неверно. В ноябре 1925 г. в издательстве «Имажинисты» была набрана первая книга стихов Эрлиха «Ноябрь», насыщенная подражаниями А. С. Пушкину и С. Есенину. Уже была корректура, но книга так и не вышла. В ед. хр. 24 представлен неполный текст корректуры этой книги Эрлиха (полного нет ни в одном из всех известных на сегодняшний день вариантов гранок)²⁸: в него вошли поэма «Ноябрь» (1924)²⁹, с посвящением *Семену* (Полоцкому) (7-я часть поэмы имеет отдельное посвящение — *Сергею* (Есенину)), а также стихотворения «Тысяча девятьсот двадцать пятый год» («Дыши, но не разверстым зевом...») и «Свадебная» («Месяц в сердце. Месяц в небе...»).

Это последнее стихотворение посвящено «Валюше» — Валентине Григорьевне Барановой, с которой Эрлих жил около 5 лет — с 1925 по 1931 г. 8 октября 1930 г., уже, видимо, ощущая возникший кризис в отношениях, он пишет матери: «И знаешь, мать? Будет очень жаль, если разойдусь с Валей. Ей-богу, жаль. И человек она хороший, и люблю я ее очень, и самая она мне красивая... Но если

у меня будет когда-нибудь сын, я буду бить его каждый день и учить: если ты сам не железо и не кремь, то встретившись на улице с бесхарактерной женщиной, бери ноги в руки и дуй без оглядки!» (Ед. хр. 75. Л. 22). Эрлиху так и не пришлось жениться. Еще несколькими месяцами ранее он шутливо подчеркивает в другом письме к матери (22 марта 1930 г.): «...Я, между прочим, здоров и холост. (...) Любящий тебя и любимый тобой последний холостяк в семье — Вольф» (Ед. хр. 75. Л. 17). В. Г. Барановой посвящен сборник В. Эрлиха «Арсенал» (В. Г. Б). Сохранилось ее письмо к Эрлиху из Новосибирска от 28 сентября 1933 г. с приложенным фото-портретом (Ед. хр. 26).

Только стихотворение «Свадебная» включено в первый вышедший в свет после двух «детских» книжек 1926 г.³⁰ «взрослый» стихотворный сборник В. Эрлиха «Волчье солнце» ([М. -Л.], 1928)³¹. Заимствовав название у Б. Лившица³², Эрлих ориентировался в книге и на некоторые основные мотивы его поэзии, прежде всего — мотив луны, которую во французской романтической традиции и принято именовать «волчьим солнцем». Близка Лившицу и тема «времен года» (ср.: у Б. Лившица стихотворения «Июль», «Сентябрь»; у Эрлиха — «Август», которым и открывается книга). Первый серьезный сборник Эрлиха пронизан литературными влияниями, поэтику его определяет влияние А. Пушкина, А. Блока («Благослови часы утех...»), И. Анненского («Вербный торг»), С. Есенина. Мысленной беседе с покойным другом посвящены два стихотворения: «Какой прозрачный, теплый роздых!..» и «Колыбельная». Фламандская традиция сочного и красочного описания еды, опирающаяся в русской поэзии на Державина, соединилась в стихотворении «Ну вот и день прошел...» с иронией, что предварило опыты Н. Заболоцкого в «Столбах» (1929).

Однако центральный для сборника Лившица мотив луны становится у Эрлиха фоном для чрезвычайно важного и сквозного для всего его творчества образа одинокого волка, отставшего от стаи: обыгрывая свое имя, означавшее по-немецки «волк», поэт создавал свое alter ego (отметим, что «Волк» — было дружеское прозвище Эрлиха). В ключевом стихотворении «Волчья песнь» образ этот почти по-гумилевски (ср. его стихотворение «Рабочий») трагичен:

Первая ж надрезанная пуля
Грудь мне вырвет.
Жизнь мою возьмет.

В архиве Г. Б. Шмерельсона сохранилось стихотворение «Отыскал я душу масти волчьей...» (РО ИРЛИ. Ф. 699 (Шмерельсон Г. Б.) Ед. хр. 108).

В ед. хр. 1 сборник «Волчье солнце» представлен в машинописном и более широком варианте, чем в последующем печатном виде. В частности, в нем содержатся не вошедшие в книгу стихотворения «Боратынскому», «Дыши, но не разверстым зевом...» (ранее не вышедшее и в составе «Ноября»), «Пой смелей и победней...».

В архиве В. Эрлиха представлены и другие книги поэта. В их числе — поэма «Софья Перовская» (1926—1917)³³, посвященная известной революционерке (машинопись и корректура журнальной публикации отрывка из поэмы³⁴ — Ед. хр. 8). В поэме Эрлих взятый из И. Анненского эпиграфом («Хрусталь мой волшебен трикраты») обозначил традицию, которой он продолжает следовать. Вместе с тем поэтика его стала значительно суше, прозаичнее, метафористичность имажинистского периода уступила место ярко выраженной тавтологии и даже штампу. Видимо, последнее как свой недостаток отмечал Эрлих в письме к Пастернаку, посылая ему примерно в ноябре 1929 г. вместе с «Правом на песнь» — «Перовскую». До нас это письмо Эрлиха не дошло, но известно письмо Пастернака Н. Тихонову от 5 декабря 1929 г. В нем Пастернак пишет: «Напрасно он стыдится «Перовской». За вычетом двух-трех действительных штампов, где он *рассуждает* о штампе, а не *жертвует собой* ради него, все в ней — настоящая поэзия. (...) Меня не может не трогать „Перовская“. Я сам все эти годы жертвую собой для штампа. (...) Книжка о Есенине написана прекрасно. Большой мир раскрыт так, что не замечаешь, как это сделано, и прямо в него вступаешь и остаешься»³⁵. Отметим также любопытную эволюцию эрлиховского сквозного образа в «Перовской»: Николай I охарактеризован как «вожак чиновных волчьих стай».

Лев Левин в рецензии на сборник Эрлиха «Арсенал» указывал, что «Софья Перовская» как в стиховом плане (4-х стопный ямб), так и в содержательном «зависит от „Возмездия“ постольку, поскольку литературно-общественная позиция Вольфа Эрлиха может быть соотнесена к <sic!> литературно-общественной позиции Александра Блока»³⁶. На выход «Софьи Перовской» откликнулся и В. Ходасевич, пристально следивший за творчеством Эрлиха начиная с книги «Волчье солнце». В своем обзоре современной советской поэзии он называет его творчество «разительно отличающимся от остальной сов. поэзии» и указывает на влияния

Анненского и Блока. Заметка заканчивается призывом «с надеждой запомнить имя Эрлиха»³⁷.

Перелом в поэтическом творчестве Эрлиха в 1928—1930 гг. знаменует собой сборник «Арсенал» (1931) — он буквально разрезает книгу надвое. С одной стороны, — стихи об Армении, «Городок» и «Запад», созданные во многом под влиянием Э. Багрицкого, с другой стороны — уже явно начинающая проникать в стихи ненависть. Отчетливо звучит в них и тема расстрела («Свинья», «Последний купец»). Зловеще в свете трагической судьбы поэта звучит финал стихотворения «Свинья»:

Подумай, друг: не только для свинины,
И для расстрела создан человек.

Рукописный и машинописный неполный текст сборника — ед. хр. 2; там же авторское предисловие к следующей книге, которая задумывалась автором сразу после сдачи в печать «Арсенала» с предварительным названием «Двадцать стихотворений», но не вышла³⁸. В ед. хр. 5 — рукописный и машинописный варианты книги «Порядок битвы» (Л., 1933). В нее вошло, вероятно, лучшее стихотворение Эрлиха — «Шестнадцать раз ходили», написанное от лица красногвардейца с характерными лексическими и синтаксическими повторами, с нарочитой примитивизацией лексики и общей структуры текста, создающими художественное напряжение по контрасту с описываемым штурмом деревни. Стихотворение создано под несомненным влиянием «Стиха-Петра-Яшкина-Коммуниста» Даниила Хармса, опубликованного в сборнике Ленинградского отделения Союза поэтов «Костер» в 1927 г. под заглавием «Стих Петра Яшкина» (автоцензурная поправка). В этом же сборнике были опубликованы и стихи Эрлиха — «Вербный торг» и «Зимние стихи», вошедшие впоследствии в «Волчье солнце». Вошла в книгу и поэма «Симбирск». Тем не менее, в сборнике уже преобладают стихотворения агитационного («Смерть», «Хозе», «Изобретатели») и откровенно агрессивного плана. Вот как завершается «волчья тема» в стихотворении «Обвинительное заключение» (речь идет о разоблаченном шпионе и диверсанте):

Ты на суде, как волк, — поджарый, серый, —
Сжав ребра, уходил от высшей меры.
И не ушел. И вскоре был расстрел.

Одной из самых важных задач в «Порядке битвы» для Эрлиха стало доказательство своего окончательного разрыва с двадцатыми

годами. Этому посвящены программные строки его стихотворения «Между прочим» (первоначальный вариант заглавия — «Отрепье»):

Я пил твое вино, я ел твой хлеб, богема,
Осиновым колом тебе плачу за то³⁹.

В ед. хр. 3 — первоначальный машинописный вариант «Книги стихов» (Л., (1934)) — предпоследнего сборника Эрлиха, более чем наполовину состоявшего из переизданий старых стихотворений. Наконец, материалы для книги, название которой поэт позаимствовал у невышедшей антологии имажинистов и их союзников 1926 г. (см. выше) — «Необычайное свидание друзей»⁴⁰ — хранятся в ед. хр. 4 (стихотворение «Новый год в экспрессе» («Экспресс „Столбцы — Манчжурия“...»)) и в ед. хр. 7. Основу книги составляют две поэмы. Первая — «Необычайное свидание друзей», давшая название всему сборнику — о жизни троих друзей в период сразу после гражданской войны и трагической смерти одного из них — девушки-комсомолки. Вторая — «Математики»⁴¹, повествующая в занимательной форме об истории борьбы за приоритет в открытии способа решения уравнения третьей степени между двумя итальянцами — Кардано и Тартальей, — была написана в 1933—34 гг. Эрлих в ней весьма любопытно постарался застраховать себя от упреков в отрыве от современности: в финале читатель встречал двух бывших соперников... на Беломорканале! Что временные и пространственные границы — вот реальное воплощение мечты Ивана-Бездомного о водворении Канта на Соловки!

Отдельные стихотворения в виде автографов, машинописи и корректурных листов (большинство их опубликовано) находятся в ед. хр. 9, 10, 12 (в виде машинописных текстов, вклеенных на первые страницы антологии Всероссийского союза поэтов: Поэты наших дней. М., 1924 — см. примеч. 29), а также сценки и рассказ (соотв. — ед. хр. 22 и 15). Кроме этого, в фонде 385 Н. Н. Ильина (Нилли), в двух адресованных ему письмах Эрлиха находятся самые ранние из его известных стихов — 1922 г., посвященные этому писателю (ед. хр. 44 и 48).

В середине 1930-х г. В. Эрлих также работал как сценарист. К сожалению, эта его работа сопровождалась разного рода недоразумениями, связанными с проблемой авторского права. Так, например, в ед. хр. 19 содержатся два варианта сценария кинофильма «Волочаевские дни», который Эрлих создавал в соавторстве с режиссером Николаем Бересневым в 1935—1936 гг. Когда сценарий был напечатан⁴², Н. Береснев раздумал его ставить, а предло-

жил вместо этого переделать его в либретто для оперы, что послужило поводом для разбирательств в Управлении по охране авторских прав. Скандал сопутствовал и работе над либретто к кинофильму «Выборгская сторона», задумывавшемуся как третья часть киноэпопеи «Юность Максима». Получив в мае 1936 г. заказ от Ленфильма (режиссеры Г. М. Козинцев и Л. З. Трауберг), Эрлих начинает работу и очень быстро ее завершает (два варианта — в ед. хр. 20). Но 28 июля того же года выяснилось, что режиссеры параллельно сами пишут либретто — в этот день их материалы опубликовала газета «Кино». Снова возник конфликт, и снова началось разбирательство в Управлении по охране авторских прав, которое признало Эрлиха правым⁴³ (материалы, связанные со сценарием и либретто Эрлиха — см.: ед. хр. 71).

4

Среди писем и телеграмм, адресованных В. Эрлиху, особо выделяется группа материалов, связанных с С. Есениным и Г. А. Бениславской. Прежде всего это письма и телеграммы самого Есенина: письмо от 24 марта 1925 г. (ед. хр. 32, 35, л. 4; маш. копия)⁴⁴, письмо С. А. Толстой, отправленное с дороги из Ростова-на-Дону Эрлиху в Ульяновск, от 26 июля 1925 г. с припиской С. Есенина (оригинал и маш. копия — ед. хр. 47, маш. копия — ед. хр. 35, л. 8)⁴⁵, телеграмма от 7 декабря 1925 г. (ед. хр. 35, л. 5; маш. копия)⁴⁶, телеграмма от 24 декабря 1925 г. с просьбой захватить его вещи в гостиницу (ед. хр. 35, л. 8; маш. копия)⁴⁷, записка от 24 декабря 1925 г. с приписками Ивана Приблудного и В. Р. (Владимира Ричиотти) (ед. хр. 35, л. 9, маш. копия)⁴⁸. Письма Г. А. Бениславской (оригиналы) хранятся в ед. хр. 27 (автографы) и 35 (машинописные копии) — всего 10 писем, из которых 7 написаны при жизни Есенина (с 24 марта 1924 г. по 31 марта 1925 г.), а 3 — после его смерти (с 16 февраля 1926 г. по 6 августа 1926 г.). Все они хорошо известны и опубликованы⁴⁹. Первые семь посвящены, в основном, бытовым и издательским делам Есенина, последние три — носят личный, дружеский характер. Эти дружеские отношения существовали между Эрлихом и Бениславской вплоть до ее самоубийства. Об этом самоубийстве Эрлих узнал из письма Александры Есениной, сестры поэта (Ед. хр. 33), с которой до конца жизни продолжала общение Бениславская и чьи приветы она передавала Эрлиху в своих письмах 1926 года).

Среди других писем, обращенных к Эрлиху, наибольший интерес представляет неопубликованное письмо Б. Пастернака от 1 января 1930 г. (Ед. хр. 42). К Пастернаку В. Эрлих относился почти благоговейно, он был одним из наиболее любимых его поэтов. 27 сентября 1927 года Пастернак надписывает ему свой сборник «Две книги» (М., Л., 1927): «Милому Вольфу Эрлиху с искренней растроганностью. Б. Пастернак»⁵⁰. Не случайно примерно в ноябре 1929 года он посылает ему свои книги «Право на песнь» и «Софья Перовская». В цитированном выше письме к Н. Тихонову Пастернак, с похвалой отозвавшись о «Перовской», просит Тихонова передать автору из своего отзыва, что он сочтет нужным, и сообщает, что не будет писать ему самому: «Не хочется размазывать в виде трактата и в упор человеку то, что тут сказалось коротко и гладко». Однако, видимо, после ответного письма Н. Тихонова намерения Пастернака изменились. Поддерживая молодого товарища, он упоминает о схожести судеб «Перовской» и «Спекторского» и сам высказывает несколько мыслей по поводу сущности поэзии⁵¹.

Кроме этого, заслуживают внимания и другие хранящиеся в фонде В. Эрлиха адресованные ему письма. Среди них — письмо Бориса Корнилова (ед. хр. 37). С Корниловым у Эрлиха длительное время сохранялись дружеские отношения, в таком же дружеском тоне выдержано и упомянутое письмо, датированное июлем 1933 г. Тучи начинают сгущаться с начала 1935, когда пьянство Корнилова и скандалы, устраивавшиеся им, стали слишком напоминать властимушум аналогичное поведение С. Есенина. Но времена были не те: слово «хулиганство» почти уже не употреблялось без эпитета «политическое». Его поведение начинает широко обсуждаться в печати и на собраниях. Эрлих также «приложил» к этому руку. Рецензируя 17 сентября 1936 г. на страницах «Литературного Ленинграда» три поэмы Корнилова («Самсон», «Начало земли», «Последний день Кирова»), он называет их «халтурой» и напоминает похвалу Корнилову, высказанную Н. Бухариным на Всесоюзном съезде писателей — ссылка на Бухарина уже была более чем двусмысленной. А в начале октября 1936 г. он выступает на расширенном заседании Правления ЛО ССП и касается темы пьянства, вспоминая при этом Есенина: «Пьянство делается темой общественного обсуждения, — говорит он, — когда оно становится знаменем общественного поведения, как это было с Есениным. Это следует учесть, когда мы говорим о поведении Корнилова. Одно дело, когда человек совершает ошибки и исправляет их, другое дело, когда

он утверждает свою идейную порочность как линию поведения. Я ценю дарование Корнилова, но то, что он делает за последние полтора года, требует самой суровой критики»⁵². Почти сразу же вслед за этим Б. Корнилов был исключен из Союза писателей за «антиобщественное поведение, порочащее звание советского писателя», а в 1937 году — арестован и расстрелян.

Несомненный интерес представляют письма Эрлиху Эльги Каминской, известной исполнительницы музыкально-поэтических композиций, которая в 1923—1924 гг. выступала также с чтением стихов ленинградских имажинистов, в том числе и Эрлиха (Ед. хр. 36)⁵³. Хранящиеся в фонде письма Н. С. Тихонова (Ед. хр. 45 — с приложением фотографии) и его жены М. К. Неслуховской (Ед. хр. 38) направлены Эрлиху во время их путешествий 1928—30 гг. Среди писем — посланный Эрлиху фотопортрет М. Нечкиной — впоследствии академика — с дарственной надписью на нем от 19 марта 1921 г. (Ед. хр. 40). Надпись представляет собой своеобразный коллаж из многочисленных цитат на тему любви из Библии и других книг. С М. Нечкиной Эрлих был знаком еще по Симбирску. Наконец, нельзя не упомянуть письма родных Эрлиха — его матери Анны Моисеевны (Ед. хр. 51) и сестры Мирры Иосифовны (Ед. хр. 46), посвященные, в основном, домашним делам.

5

Биографические материалы и документы В. Эрлиха сконцентрированы в ед. хр. 53—58. Здесь краткие биографические сведения и перечень произведений поэта, составленные его сестрой Миррой Иосифовной Толкачевой (урожд. Эрлих) в 1960-х г., когда она вместе с Н. С. Тихоновым занималась реабилитацией брата, а затем, подготовкой сборника его стихов (Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1963), а также личные документы Эрлиха: его университетский матрикул, справка о том, что он является студентом Петроградского университета, разного рода квитанции и расписки, справки о гонорарах, членские билеты и учетные карточки многочисленных организаций, договоры с издательствами и периодическими изданиями, среди которых и материалы, связанные со спорами вокруг его сценариев (см. выше). В ед. хр. 53 находятся и две повестки в НКВД, обе датированные 11 ноября 1937 г. Одна из них предлагает Вольфу Эрлиху явиться в управление НКВД по Ленинградской области (ул. Володарского, 4) в 15-00

26 ноября 1937 г., другая — «не позднее 21/XI.37 в НКВД в связи с аттестацией на присвоение воинских званий командирам запаса пограничной и внутренней охраны»⁵⁴. В это время поэт уже 4 месяца как был арестован и до расстрела оставалось всего несколько дней. В ед. хр. 57 — 4 записные книжки В. Эрлиха с адресами и телефонами, различными подсчетами, записями университетских лекций. В записных книжках телефоны и адреса А. Н. Толстого, Г. Бениславской, М. Фромана, С. Полоцкого, Н. Тихонова, С. Спасского, В. Ричиотти, В. Медведева, Б. Лавренева, Н. Клюева, Ю. Тынянова и др.

6

В фонде В. Эрлиха достаточно широко представлены фотоматериалы. Прежде всего это фотопортреты самого поэта — одиночные и групповые, а также подаренные ему фотографии других лиц. На групповых снимках вместе с Эрлихом изображены Е. А. Есенина, сестра Сергея (Ед. хр. 62), его друг Н. С. Тихонов (Ед. хр. 63, 66), соратники по имажинизму В. Ричиотти и Г. Шмерельсон (Ед. хр. 64), В. Саянов, Н. Браун, М. Фроман, К. Вагинов (Ед. хр. 65, 66). В. Эрлих был одним из тех, кто подписал в 1934 г. некролог «Памяти Кости Вагинова» вместе с Н. Тихоновым, И. Садофьевым, Е. Полонской, Ин. Оксеновым, М. Фроманом, И. Наппельбаум, Л. Борисовым, Н. Чуковским, Н. Брауном, Ал. Крайским, С. Колбасьевым, Вс. Рождественским⁵⁵. Перечисление в подписи под некрологом этих имен было знаменательно: как будто бы в этом некрологе воскрес в середине тридцатых годов многократно поносимый в печати и на собраниях знаменитый Союз поэтов, символ поэтической свободы начала — середины 20-х гг.

На групповом портрете (на Беломоро-Балтийском канале в 1932 г.) вместе с Эрлихом запечатлены О. Берггольц, Б. Корнилов, Б. Лавренев и другие (Ед. хр. 67). Портрет с дарственной надписью приложен и к письму Б. Пастернака (Ед. хр. 42) (см. выше).

Писем самого Эрлиха в его фонде хранится немного. Большинство из них (23) обращены к его матери, Анне Моиссеевне (Ед. хр. 75). После смерти отца 22 мая 1931 г. Эрлих перевез мать к себе, в Ленинград, где они и жили в писательском доме на углу ул. Рубинштейна и Пролетарского пер. (Рубинштейна 7, кв. 12)⁵⁶. В этих письмах информация о личных делах, о творческих планах, путешествиях (среди них — серия открыток с Кавказа лета 1929 г.). Два

письма 1928—1929 гг. адресованы сестре Мирре (Ед. хр. 72) и также носят бытовой характер.

Из остальных материалов отметим письма середины 1950-х — 1960-х годов Н. С. Тихонова к Мирре Иосифовне Толкачевой по поводу реабилитации В. Эрлиха, и издания сборника его стихов 1963 г. (Ед. хр. 70, 74), а также материалы других лиц: автограф стихотворения А. Прокофьева «Халима» (Ед. хр. 80), стихотворение Наталии Бутовой⁵⁶ «Вольфу Эрлиху. Счастье» (Ед. хр. 77) и др.

Условные сокращения, принятые в данной статье

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ЛО ССП — Ленинградская организация Союза Советских Писателей.

ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей.

УНКВД ЛО — Управление Народного Комиссариата внутренних дел, Ленинградское отделение.

ФСБ — Федеральная служба безопасности.

¹ ИРЛИ. Ф. 697 (Эрлих В. И.). Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 2 (далее при ссылках на материалы этого фонда в тексте в скобках указываются только номер единицы хранения и лист).

² На ул. Знаменской Эрлих проживает вплоть до 26 сентября 1922 г., затем переезжает на Бассейную ул. (позже переименованную в ул. Некрасова), д. 29, кв. 8. Оттуда 17 сентября 1928 г. он переезжает на Моховую ул., д. 18, кв. 6, но 22 февраля 1929 г. возвращается на ул. Некрасова. С 18 октября 1929 г. живет в Поварском пер., д. 13, кв. 2. 18 августа 1930 г. он переселяется на Петроградскую сторону — на ул. Литераторов, д. 19, кв. 13, а оттуда, в конце 1931 — начале 1932 г., в писательскую «коммуну» по адресу Троицкая ул., (позже — ул. Рубинштейна), д. 7, кв. 12.

³ См. матрикул: Ед. хр. 58, Лл. 1—6 об.

⁴ «Воинствующий орден имажинистов» был основан в 1922 г. группой петроградских имажинистов, в которую входили Григорий Шмерельсон, Семен Полоцкий, Иван Афанасьев-Соловьев, Владимир Ричиотти (Леонид Турутович), Леонид Рогинский и на раннем этапе — Алексей Золотницкий, Михаил Березин, Леонид Григоров и Владимир Королевич. Фактическим организатором и руководителем группы был Г. Шмерельсон, который именовался «генеральным секретарем ордена», но наиболее талантливым считался С. Полоцкий. За время деятельности ее члены издали несколько индивидуальных сборников (в основном, под маркой издательств «Имажинисты» и «Распятый Арлекин»), альманахов (*В кибитке вдохновенья*. Из Петрограда к мамаше в 1923 г. (И. Афанасьев-Соловьев, С. Полоцкий, В. Ричиотти, Г. Шмерельсон); *Ровесники имажинисты*. Л., 1925. (И. Афанасьев-Соловьев, С. Полоцкий, В. Ричиотти, Л. Рогинский) и др. — ср. название и обозначение выходных данных в сборнике москвичей: Земенков Б., Краевский А., Шершеневич В. От мамы на пять минут. Ред. Б. Земенков. [М.], Фаршированные манжеты. Холодно, XX век. [192?]), организовывали поэтические вечера. Некоторые представители Ордена (В. Ричиотти, И. Афанасьев-Соловьев, С. Полоцкий) выступили так-

же в № 4 за 1924 г. московского имажинистского журнала «Гостиница для путешественников в прекрасном» под рубрикой «Имажинистский молодец» (с. 4). После смерти С. Есенина в 1925 г. «Воинствующий орден имажинистов» фактически прекратил свое существование. (См. о нем также: *Кобринский А. А.* Об одной малоизвестной истории русского имажинизма («Воинствующий орден имажинистов» в Ленинграде) // «Звездолики Гилеи». Тезисы докладов II Международной научной конференции по авангарду 19—21 декабря 1995 года. Херсон, 1995. С. 31—33.).

⁵ А. Л. Дмитренко, изучавший студенческое дело В. Эрлиха (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 5. Ед. хр. 4913), также отмечает, что по его материалам установить точно дату и причину ухода поэта из университета не удалось (см. его комментарии в публикации «Записок для себя» И. Басалаева — Минувшее: Исторический альманах. Вып. 19. М., СПб., 1996. С. 477). Сам Иннокентий Басалаев так вспоминает об Эрлихе периода знакомства с ним (примерно 1928—1929 г.): «У Вольфа Эрлиха тихий голос, робкие жесты, на губах — готовая улыбка. Он худ и черен. Носит длинные серые брюки, черные грубые ботинки. Немножко хвастается знакомством с Есениным. Был имажинистом. Из-за этого пришлось уйти из университета...» (Там же. С. 369). Невысокий рост В. Эрлиха служил поводом для шуток, см., например, в рассказе Д. Хармса «Однажды я пришел в Госиздат...» (сер. 1930-х гг.): «Вот, например, если взять Леонида Савельевича (Липавского), Юлия Берзина и Вольфа Эрлиха и поставить их вместе на панели, то можно сказать „мал мала меньше“».

⁶ Описание обстоятельств, связанных с этим стихотворением, а также рассказ о последних днях С. Есенина содержатся в письме В. Эрлиха от 28 января 1926 г., адресованном В. И. Вольпину (РГАЛИ. Ф. 190 (Есенин С. А.). Оп. 1. Ед. хр. 138). Письмо это было отредактировано и опубликовано в сб.: Памяти Есенина / Ред. В. И. Вольпин. М., 1926, в виде статьи под заглавием «Четыре дня». Впоследствии, разделив статью по главам на четыре дня («Четверг»; «Пятница»; «Суббота»; «Воскресенье»), автор включил ее в книгу воспоминаний о Есенине: *Эрлих В.* Право на песнь. Л., 1930 (1929). Восстановленный по автографу первоначальный текст письма см. в сборнике: С. А. Есенин: Материалы к биографии / Сост., подг. текста, комментарии — Н. И. Гусев, С. И. Субботин, С. В. Шумихин. М., 1992. С. 255—264; 413—415 (комментарии). О последних днях С. Есенина см. также: *Устинов Г. Ф.* Сергей Есенин и его смерть // Красная газета. 1925. 29 декабря, вечерний вып.; *Устинов Г. Ф.* Мои воспоминания об Есенине // Сергей Александрович Есенин. Воспоминания / Под ред. И. В. Евдокимова. Госиздат, М., Л., 1926. С. 149—169; *Устинова Е. А.* Четыре дня С. А. Есенина // Там же. С. 232—237. Существует также мнение, что Есенин обращается в своем последнем стихотворении не столько к В. Эрлиху, сколько «к несуществующему другу, в пространство» (*Шершеневич В.* Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910—1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 627). См. также работу О. Ронена: Из наблюдений над стихами «эпохи промежутка» // Пятое Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С. 24—25, в которой он доказывает ориентацию Есенина в этом тексте на немецкую масонскую похоронную песню «Тихо спи, измученный борьбою...», переведившуюся Аполлоном Григорьевым.

⁷ РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Ед. хр. 105. Лл. 21—24. Опубликовано: Белоусов В. Сергей Есенин. Литературная хроника. Ч. 2. М., 1970. С. 303. Эта ситуация показывает, что Эрлих, в отличие от большинства петроградских имажинистов, свои отношения с Есениным ценит значительно выше единства группы.

⁸ См.: Новый зритель. 1924. № 55.

⁹ Есенин С. Собр. соч. Т. 5. М., 1968. С. 125. Далее при ссылках на это издание указывается: «СС», том, страница.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 261.

¹¹ Рецензии на «Право на веселье» были в основном отрицательными. См., например, рецензию Г. Белова: «...ценные крупницы занимают более чем скромное место в книге Эрлиха. А остальное — анекдоты, анекдоты, анекдоты...» (На литературном посту. 1930. № 9. С. 91—92), а также статью «Аристократы богемы» Леонида Шомшелевича, написанную им также для журнала «На литературном посту»: «Книга Эрлиха — это точнейший каталог того, где, когда и почему Есенину били морду, (...) это точнейший преискурант того, где, когда и как пьянствовал Есенин» (РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 746. Л. 2). Напротив, очень высоко об этих воспоминаниях отозвался Б. Пастернак (см. ниже).

¹² РГАЛИ. Ф. 2182. (М. М. Шапская). Оп. 1. Ед. хр. 141. Л. 77.

¹³ Тихонов Н. Двойная радуга. М., 1969. С. 227—279.

¹⁴ Письмо от 28 июня 1929 г. (Ед. хр. 75. Л. 5.).

¹⁵ См. также страницу шуточного дневника В. Эрлиха, посвященную первым дням поездки (Ед. хр. 23) и подготовленный по возвращении Н. С. Тихоновым шуточный альбом аппликаций с подписями «Вечера на хуторе близ Батумки, или Вольф в горах» (Ед. хр. 83).

¹⁶ Звезда. 1931. № 4. С. 114—130; позже вошли также в сборник «Глазами друзей». (Ереван. 1967. С. 143—166). Через год в Армении побывает О. Мандельштам, который в № 5 журнала «Звезда» за 1933 опубликует свое «Путешествие в Армению». Одна из главок «Путешествия» также будет посвящена Алагеzu.

¹⁷ Звезда. 1934. № 10. С. 30—37. В рец. Н. Лесючевского (Литературный Ленинград. № 57. 14 декабря 1935 г. С. 2) говорилось: «История с Ёской выглядит мелким анекдотом».

¹⁸ Адженян Мкртич. Деньги / (Пер. В. Эрлиха) // Литературный Ленинград. 1935. № 22., 14 мая. С. 2). Перевод этого стихотворения М. Адженяна, а также стихотворения Мкртича Нагаша «О жадности» вошли в сборник В. Эрлиха «Необычайные свидания друзей» ([Л.], 1937).

¹⁹ Ленинград готовится к съезду // Литературный Ленинград. 1933. № 9. 26 февраля. С. 1.

²⁰ Литературный Ленинград. 1934. № 40. 14 августа. С. 1

²¹ Литературный Ленинград. 1934. № 39. 12 августа. С. 1.

²² Литературный современник. 1934. № 3. С. 146—147.

²³ Литературный Ленинград. 1933. № 8. 17 сентября. С. 3.

²⁴ Литературный Ленинград. 1935. № 15. 1 апреля. С. 2.

²⁵ Литературный Ленинград. 1935. № 19. 28 апреля. С. 4.

²⁶ Литературный Ленинград. 1935. 28 июня. № 28. С. 2.

²⁷ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело П-13837.

²⁸ В РГАЛИ, вклеенный в альбом М. М. Шкапской, сохранился, очевидно, подаренный ей экземпляр гранок книги без двух последних стихотворений, зато поэме «Ноябрь» предпослано отсутствующее в экземпляре РО ИРЛИ стихотворение «Слежу один за дальней лодкой...» (Ф. 2182 (М. М. Шкапская). Оп. 1. Ед. хр. 141. Лл. 157—162^{об}). На первой странице обложки рукой М. Шкапской написано:

«„Нет, милый читатель, мой критик слепой,
По крайности, есть у поэта
И небо, и тучки, и век золотой...“ (Блок).

Это прямо об этой милой книжке». Известно, что молодые петроградские имажинисты сохраняли дружеские отношения с М. М. Шкапской, в ее альбоме мы находим их фотографии, материалы и упоминания о них, в том числе и об их посещениях М. М. Шкапской. Наиболее интересны — эпиграмма Эрлиха на Е. Полонскую (Там же. Ед. хр. 140. Л. 41), уже процитированное шуточное удостоверение, выданное Эрлиху Тихоновым и Шмерельсоном и т. п. «И все они такие, дерзкие и юные, — записывает она в альбом о петроградских имажинистах» (Там же. Ед. хр. 140. Л. 213об.). Надо отметить, что М. М. Шкапская довольно высоко ценила поэтическое дарование Эрлиха. Так, 23/1. 1925 она пишет: «Пятница в Союзе — Полоцкий и Эрлих. (...) У Эрлиха новая поэма — любопытно, что будет, — пока одна глава. Умница он. И стыдно, что о них не говорили толком». (Там же. Ед. хр. 140. Л. 500). Чуть позже, 25 мая 1925 г., — запись о том, что «в хороший зимний дружеский вечер» В. Эрлих подарил ей рукопись есенинской «Песни о великом походе», а 9 октября того же года — о том, что рукопись отдана С. Толстой для музея (Там же. Ед. хр. 141. Л. 135).

²⁹ Отрывок из поэмы был опубликован в сборнике Всероссийского союза поэтов: Поэты наших дней. Антология. М., 1924. С. 102.

³⁰ Эрлих В. О ленивом Ваньке и его щенке. М.; Л., 1926; Эрлих В. В деревне [М., Л.], 1926. Больше Эрлих детских стихов не писал. См. его письмо родителям начала 1928 г.: «Детские книжки пока бросил — надоело. Пишу только стихи и очень много. Продаю первую книгу (стихов), к осени выйдет» (Ед. хр. 75. Л. 29).

³¹ Рецензия: Эйдук Я. На литературном посту. 1928. № 13—14. С. 118—119. (В рецензии книга названа «Волчье сердце»).

³² См.: Лившиц Б. Волчье солнце: Книга стихов вторая. М., 1914.

³³ Отдельное издание: Эрлих В. Софья Перовская. [Л.], 1929.

³⁴ Звезда. 1927. № 3. С. 166.

³⁵ Литературное наследство. Т. 93. М., 1983. С. 681—682.

³⁶ Ленинград. 1931. № 4. С. 123.

³⁷ Обзор напечатан под псевдонимом «Гулливер» в «Литературной летописи» парижской газеты «Возрождение» (1929. 12 декабря. Вып. 1654. С. 3). Этой информацией мы обязаны Р. Д. Тименчику, которому приносим глубокую благодарность.

³⁸ В этом предисловии Эрлих крайне негативно оценивает свои первые четыре книги, включая только что сданный в печать «Арсенал». В качестве их пороков он называет: 1 — безыдейность в самом жестком смысле слова; 2 — эпигонство; 3 — политическую безответственность» (Ед. хр. 2. Л. 14). Эта ав-

торская оценка перекликается с чрезвычайно жесткой критикой «Арсенала» в печати. Пожалуй, в доброжелательном тоне о книге говорится только в упомянутой рецензии Льва Левина (см. примеч. 36), да в информативной заметке в библиографическом бюллетене (Книга — строителям социализма. Бюллетень библиографического института. 1931. № 18. С. 193). А. Сурков в третьей главке своей статьи «Встречный счет критике» (На литературном посту. 1931. № 6) писал: «Эта книжка является прямой вылазкой классового врага. Сквозь прозрачную вуаль отстранений, иносказаний, перемещенных планов в ней отчетливо проглядывает злобное рыло внутреннего эмигранта» (с. 23). Ср. посланную в тот же журнал из Смоленска рецензию А. Македонова «Арсенал чужака». Назвав Эрлиха «одним из эпигонов русского акмеизма» (чему, видимо, способствовала характерная тенденция к прозаизации стихотворного текста) и поставив его в один ряд с «певцом разочарованных спекулянтов, ненавидящим враждебную ему советскую действительность» Николаем Заболоцким, А. Македонов определяет «Арсенал» как «один из наиболее ярких документов (...) тактики „пассивного сопротивления“, которая, однако, в условиях реконструктивного периода приобретает весьма активное острие» (РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Ед. хр. 406). На публикацию статьи А. Суркова В. Эрлих был вынужден ответить открытым письмом ее автору (Наступление. 1932. № 4. 21 марта. С. 3) с признанием своих политических ошибок, которые объяснялись прежде всего последствиями его прежней связи в 1924—1925 гг. с ленинградской группой имажинистов — «буржуазно-кулацкой богемой первых годов НЭПа». Между прочим, здесь же он замечает, что «до сих пор не установлена и не разоблачена теснейшая идейная связь этой богемы с троцкизмом, а между тем, именно она была воинствующим отрядом троцкизма в советской литературе». В 1937 г. НКВД «исполнило» совет Эрлиха — применительно к нему самому..

³⁹ В рецензии на «Порядок битвы» критик Е. Мустангова отмечает «несколько „старомодный“ строй стиха, перекликающийся со стиховыми традициями XIX века через голову всей поэтической культуры, полученной в наследство советской поэзией от символизма и футуризма» (*Мустангова Е.* Три поэта // Литературный Ленинград. 1933. № 22. 17 сентября. С. 3). Более формальна и, соответственно, менее интересна рецензия Г. Горбачева (Литературный современник. 1933. № 8).

⁴⁰ Рецензии: *Н. Т-ский.* Пять номеров // Литературный Ленинград. 1935. 14 июля. № 32. С. 2. («Поэма В. Эрлиха (...) представляет дискуссионный интерес»); *Лесючевский Н.* Три поэмы // Литературный Ленинград. 1935. 14 декабря. № 57. С. 2. («В чем смысл этого произведения? Что хотел сказать автор?» — задает вопрос рецензент. Одновременно отмечается «литературно-экспериментаторский характер» поэмы и «неожиданность концовки»).

⁴¹ Впервые опубликована: Литературный современник. 1934. № 5.

⁴² Литературный современник. 1936. № 8.

⁴³ См. по этому поводу фельетон: Кобра: Специфика кино // Литературный Ленинград. 1936. 5 октября. № 46. С. 4.

⁴⁴ СС. Т. 5. С. 159—160.

⁴⁵ *Белоусов В.* Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. М., 1970. С. 198 (далее — Хроника с указанием страницы).

⁴⁶ Эрлих В. Право на песнь. Л., 1930. С. 93, а также: СС. Т. 5. М., 1968. С. 173.

⁴⁷ Хроника. С. 225.

⁴⁸ Эрлих В. Право на песнь. Л., 1930. С. 94, а также Хроника. С. 224.

⁴⁹ Белые ночи. Л., 1973. С. 259—277.

⁵⁰ G. McVay. Pasternak and other Poets: Unpublished texts // Journal of Russian Studies. 1984. № 47. P. 30. Экземпляр хранится в собрании московского библиофила А. Ф. Маркова (см. его статью: *Марков А. «...С искренней растроганностью»* // Советская библиография. 1990. № 5. С. 109—110; там же на стр. 110 приводится факсимиле пастернаковской надписи).

⁵¹ Отметим, однако, что с течением времени отношение Эрлиха к Пастернаку изменилось. Следствием этого изменения стала подтекстовая полемика с ним, носившая, как это было принято в то время, политический характер. Как показал Л. Флейшман (см. его монографию: Борис Пастернак в двадцатые годы. München, [1981]. С. 325—326), в поэме В. Эрлиха «Симбирск» содержится «ответ» на всю совокупность поэтических высказываний Пастернака конца 20-х — начала 30-х годов о современности и революции, но наиболее открыто он нападает на переключку Пастернака с пушкинскими «Стансами» (имеется в виду стихотворение Б. Пастернака «Столетье с лишним — не вчера...»).

⁵² Цитируется по публикации: Литературный Ленинград. 1936. № 22. 5 октября. С. 2.

⁵³ Афиши этих выступлений см.: Ф. 699 (Г. Б. Шмерельсон). Ед. хр. 123. Лл. 7—9.

⁵⁴ В. Эрлих был офицером запаса НКВД — на одной из фотографий 1935 года он изображен в военной форме с четырьмя кубарями в петлице (Ед. хр. 59).

⁵⁵ Литературный Ленинград. 1934. 30 апреля. № 22. С. 3.

⁵⁶ Об этом доме и его истории см.: *Наппельбаум И.* Угол отражения. СПб., 1995. С. 96—98 (глава «Дом-коммуна»).

⁵⁷ Поэтесса Наталья Ивановна Бутова вместе с В. Эрлихом была участницей сборника Ленинградского союза поэтов (Костер. Л., 1927), в нем опубликовано ее стихотворение «Песня» (с. 15).